

Язык художественной литературы

Ломаная русская речь «восточных инородцев» — персонажей художественной литературы XX века

Алексей Александрович Стрельцов, Южный федеральный университет
(Россия, Ростов-на-Дону), al-astr@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611725010075

Аннотация: В статье рассматривается то, как писатели, преимущественно отечественные, учитывают в репликах прямой речи особенности произношения персонажей, говорящих на выученном русском языке и при этом владеющих им на уровне, достаточном для осуществления успешного общения с другими персонажами — носителями русского языка. Исследование, осуществленное на материале двадцати произведений художественной литературы XX в., отражает представления писателей о звучании ломаной русской речи коренных жителей Сибири и Дальнего Востока, преимущественно якутов, удэгейцев, орочей, нанайцев и эвенков. Цель исследования заключается в установлении регулярных нарушений в контаминированной речи персонажей художественной литературы, относящихся к коренным народностям азиатской части России.

Представлена классификация разноуровневых языковых средств, являющихся основными видами нарушений русскоязычной речи в представлении отечественных авторов. Регулярным фонографическим средством является изменение артикуляции, в частности замена некоторых согласных другими. Выявлены следующие грамматические средства: замена личных местоимений притяжательными, использование формы глагола в повелительном наклонении единственного числа

вместо личной формы или инфинитива, изменение порядка слов, использование глагола «есть», нарушение согласования в роде и числе существительных и прилагательных, а также нарушения в управлении глаголов. Также отмечается использование иноязычных вкраплений и некоторых наречий.

Установлено преобладание грамматических средств при передаче нарушений в речи персонажей-инородцев над фонографическими.

Ключевые слова: контаминированная речь, ломаная речь, инофон, искажения, литературный персонаж

для цитирования: Стрельцов А. А. Ломаная русская речь «восточных» инородцев – персонажей художественной литературы XX века // Русская речь. 2025. № 1. С. 98–111. DOI: 10.31857/S0131611725010075.

The Language of Fiction

Contaminated Russian Speech of Eastern Natives – 20th Century Fiction Characters

Aleksey A. Streltsov, Southern federal university (Russia, Rostov-on-Don), al-astr@yandex.ru

ABSTRACT: The article features the way fiction writers depict direct speech of non-native characters who are fluent and able to communicate effectively with the native speaker characters. The investigation based on works written by Russian and one Polish author of the 20th century shows how they imagined the speech of indigenous peoples of the Far East who had to talk in Russian. Numerous examples given in this article feature the interfering effect of their native tongues on the second Russian language. The work provides a typology of language means, representing the main kinds of distortions of the Russian speech made by native speakers (Yakut, Oroch, Udege, Nanai, Evenk). The aim of the article is to establish regular distortions in the contaminated Russian speech of the above-mentioned peoples shown in works of fiction. The main phonetical and graphical device is the change of

the place of articulation substitution of palatalental by dental consonants. The most frequent grammatical devices include replacement of personal pronouns by possessive ones, violation of syntactic coordination, and of word order.

The paper also notes the cases of using native tongue inclusions, as well as certain specific adverbs and defines preponderance of grammatical devices over phonetical and graphical ones while conveying irregularities of speech of non-native speakers.

KEYWORDS: contaminated speech, broken speech, non-native speaker, distortions, literary character

FOR CITATION: Streltsov A. A. Contaminated Russian Speech of Eastern Natives – 20th Century Fiction Characters. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 1. Pp. 98–111. DOI: 10.31857/S0131611725010075.

Россия — большая страна, которая во второй половине прошлого тысячелетия приросла Сибирью и Дальним Востоком. На этих землях издавна жили люди, чей быт и нравы были описаны в произведениях русских писателей (и стали в свою очередь предметом изучения филологов и этнографов: [Фролова 2015], [Шихалева 2017], [Яроцкая 2017], [Краюшкина 2018], [Вольман 2022]) и которые говорили на языках, сильно отличавшихся от государственного — русского. Стой его был им чужд, а овладение происходило зачастую в ходе общения с его носителями и имело поэтому несистемный характер.

Результатом стала контаминированная, т. е. искаженная русская речь представителей так называемых коренных народов Сибири и Дальнего Востока, которых в царской России также называли «восточными ино-родцами». Ее особенностью является специфическое искажение фонетических и грамматических норм русского языка.

Эти искажения нашли отражение не только в записях этнографов и диалектологов, но и в художественной литературе, что представляет интересный неисследованный источник изучения контаминированной речи. Предметом являются фонетические, лексические и грамматические особенности русской речи литературных персонажей, относящихся к следующим народностям: ненцы, якуты, эвенки, удэгейцы, алтайцы, ороши.

Материалом для исследования послужили произведения советских и российских авторов XX века: рассказы И. Ефремова «Голец подлунный»

(якуты Габышев и Кильчегасов) и «Алмазная трубка» (эвенк), мемуары: А. Лариной-Бухариной «Незабываемое» (алтайец) и П. Богомаза «Туранский перевал» (якут Павел Романович Романов), романы: А. А. Фадеева «Последний из удэгэ» (удэгеец Сарл), В. К. Арсеньева «Дерсу Узала», «По Уссурийскому краю», «Сквозь тайгу», «В горах Сихотэ-Алиня» (на-наец/удэгеец Дерсу Узала, удэгеец Геонка, орочский старшина Федор Бутунгари, орочи Карпушка и Савушка), А. Беляева «Продавец воздуха» (якут Никола), В. Каверина «Два капитана» (ненец), Б. Можаева «Падение лесного короля» (удэгеец Сусан), повести: Н. Лескова «На краю света» (проводник-зырянин), К. С. Бадигина «Секрет государственной важности» (ороч Николай Григорьевич Намунка) и Г. А. Федосеева «Злой дух Ямбуха» (эвенки проводник Долбачи и старуха Лангара), а также роман польского писателя А. Шклярского «Таинственное путешествие Томека» (нанаец Нучи). Единичные примеры взяты также из романов: В. Я. Зазубрина «Два мира», Н. А. Островского «Как закалялась сталь», Л. Кассиля «Кондукт и Швамбрания», В. В. Вересаева «На японской войне. Живая жизнь»; в них представлена контаминированная речь китайцев, а в рассказе С. В. Диковского «Бери-бери» – японцев. Это сделано для сравнения, поскольку мы предполагаем, что не все авторы различают особенности произношения разных народов Дальнего Востока. Примеры были получены методом сплошной выборки из указанных произведений, в том числе с использованием Национального корпуса русского языка, для обработки данных были использованы сопоставительный метод и метод индукции.

Цель нашего исследования заключается в установлении регулярных нарушений в контаминированной речи персонажей художественной литературы, относящихся к коренным народностям азиатской части России. Исследование функций речевых особенностей указанных персонажей, равно как и сравнительно-сопоставительный анализ особенностей родных языков персонажей с целью установления меры авторской стилизации при их отображении в художественном тексте, может стать целью дальнейшего исследования. Также мы выделили ряд особенностей употребления некоторых диалектных слов, которые авторы используют для характеристики речевого поведения персонажей – «восточных инородцев».

Фонетический уровень – нарушение произносительных норм русского языка

1. Замена [ш], [щ] и [ч'] на [с]: *соловек крисит, далесе, не умеесь, больсе, сто делаесь, засем, нисего, серез, товарисц, нехорошо, Не видись? я посол,*

товарисси, присли, хорося стука, не кусал [П. в.]¹. То же отмечается и в речи китайцев: *товарисса, большевика, наса* [К. з. с.]; *наса* [Д. м.]. Вследствие замены [ч'] на [с] отмечается йотирование гласных для передачи мягкости на письме: *снасяла, хосю сейсяс* [П. в.], а в слове «кусын» (кувшин) происходит еще и опущение [ф] после [у], при этом орфография ударной гласной приближена к транскрипции [куфшын].

2. Замена [ч'] на [ц]: *хоцес* [П. в.]; *хоцу, зацем* [Д. к.]; *клицала* [К. з. с.], в речи японцев — [т'] на [ц]: *рассказываць его ... маць* [Б.-б.].

3. Замена [р] на [л]: *ливольвел* [П. в.].

Эта замена может сочетаться с заменой [ш] на [с]: *холосо* [Д. к.]; *халасо* [Д. м.]; *холосая* [К. з. с.]. В двух последних примерах эти особенности характерны для речи китайцев.

Несколько вышеперечисленных особенностей встречаются в короткой фразе китайца Чи Сун-ча: *лас холосо, засем единиса?* [К. Ш.]. При этом отмечается, что замена [р] на [л] является отличительным признаком устной речи говорящих по-русски китайцев: «по тому, как свободно произнес он “р” ... Сережа понял, что это (встреченный им человек, одетый в китайскую одежду — А. С.) не китаец» (ср. *лузья, луска* [Д. м.] в речи китайца-спекулянта). Собеседником героя был удэгеец в китайской одежде: «я — хитрый: портки китайский надевай, рубашка китайский, шапка все равно китайский, я знай, китайский люди много ходи, белый не тронет... А белый ничего не знает. Его смотри: глаза косой, шапка китайский, — значит, китайский люди. А ряшка его не разбирает» [П. у.]. И в настоящее время исследователи отмечают, что «несколько пар звуков трудно различаются китайскими студентами, что вызывает типичные ошибки их произношения: [ш] — [ш], [с] — [ш] ... [р] — [л]» [Чжан, Сергеева 2019].

4. Замена [д] на [н] вследствие уподобления звуков: *оннако* [Г. п.].

Грамматический уровень — замена морфологических форм и изменение порядка слов в предложении

1. Замена личных местоимений притяжательными: *Это моя. Моя хорошо понимай, Ваша хорошо стреляли, Его был смирный, Чего ваша смеется? Наша постоянно так, Его... говорит верно* [Д. У.]; *Моя гольд, Моя трубку потерял, Его близко тут прятался* [П. У. к.]; *Как наша сюда попал? — говорил он, не то обращаясь ко мне, не то к самому себе* [С. т.]; *Его живой!* [С.-А.]; *Моя пришла твоя смотреть, Моя не поняла.* [Н.]; *Его меня разведка посыпай, Наша помогай* [П. у.]; *Твой умный человек* [Г. п.]; *Моя некрещена, Моя счастливая* [Н. к. с.]; *Его обижайся* [П. л. к.]; *Моя люди потерял, Елизара моя*

¹ Примеры здесь и далее взяты из Национального корпуса русского языка.

не трогал, *Моя вода тащи* [З. д. Я.]; *Моя проверит, Твоя устанет ходить, Наша не может стрелять* [Т. п. Т.]. Причем в последнем случае указанная особенность есть и в тексте оригинала: *Moja, Twoja, nasza* [Szklarski].

Та же особенность отмечается в речи китайца Чжан Бао: *твоя сиди тихо* [С.-А.]; китайца-проводника: *Моя не хочет!* [Ж. ж.]; китайца-хунхуза: *Его говори, Его, однако, давно хунхуз, Его портной был* [П. у.]; китайца-коммуниста: *Моя его знает* [К. з. с.].

В одном произведении персонаж использует личное местоимение, но в косвенном падеже: *Тебе знай, Тебе Гладких помнишь? Тебе понимай? Тебе не забывай? Тебе посмотри* [П. у.].

2. Использование форм глагола в повелительном наклонении 2 л. ед. ч. вместо

а) личных форм настоящего и будущего времени: *ночь кончай, моя стреляй, Скоро помирай, Кабаны ходи, Скоро ночь кончай.* [Д. У.]; *охота ходи, дождь ходи, спички найди, кушай найди* [П. У. к.]; *совсем трудно живи* [С. т.]; *собака пропади* [С.-А.]; *печка сиди, лапти суши, я понимай, земля работай надо* [П. у.]; *люди тайга ходи, зачем стреляй, кто стреляй, Вечер все дома сиди* [Т. п.]; *та сторона ходи, Кони скоро пропади, Мука кончай, масло кончай* [А. т.]; *лодка на берегу бери, хозяина не спроси, Царь медаль подари, котомка забирай, сюда попадай, много рыбу кушай* [С. г. в.]; *Зачем ругай? Трубочка его падай изо рта – пожар делай, юрта гори, склад гори, Я не знай* [П. л. к.].

Эта особенность свойственна и речи китайца-хунхуза (*земля работай, жемчуга лови, женщень собирай* [П. у.]), и японца (*Живи – нет. Ваша стой здесь...* *Наша ходи за доктором* [Б.-Б.]). В романе А. Шклярского, с другой стороны, персонаж-нанаец использует как личные формы глагола в 3 л. ед. ч.: *твоя накормит, Моя думает* [Т. п. Т.]; *Dobrze twoja mówi* (в пер. «Хорошо твоя говорит» – А. С.) [Szklarski], так и инфинитив: *Наша знать, Наша ждать луны, твоя стрелять, Твоя хорошо сделать* [Т. п. Т.], *Nasza musi złać* (в пер. «Наша должна поймать» – А. С.) [Szklarski];

б) инфинитива в составном глагольном сказуемом: *надо староверу помогай, хочу утку гоняй, Надо его пугай, хочу воды бери, Убей не хочу, надо бивак делай* [Д. У.]; *Надо назад ходи, надо хорошо смотри, кушай хочу* [П. У. к.]; *надо скоро ходи* [С. т.]; *Отыхай хочу, кушай хочу* [С. г. в.]; *Надо много спи* [С.-А.]; *работай надо* [А. т.].

3. Глагол «есть» в речи не опускается, всегда расположен в конце утвердительного (как исключение – вопросительного) предложения и используется в двух случаях:

а) как отдельный глагол, обозначающий присутствие или существование предмета или лица: *Четыре крепких доски есть* [Д. к.]; *Моя считал – шесть есть, такой баба много есть, Моя глаза есть, на биваке много солдат есть, В тайге много разных люди есть, там много орехов есть* [Д. У.];

капитан есть, солдаты есть, соболь есть, олень тоже есть, трубка тут близко есть, русские хунхузы тоже есть, Твоя винтовка патроны есть? Китайская фанза большой труба есть [П. У. к.]; еще большой порог есть [Г. п.];

б) как часть составного сказуемого, выражающего совершенное действие, в том числе предстоящее: *Моя запах найди есть, Люди помирай есть [Д. У.]; Наша скоро балаган найди есть, Вода прибавляй есть, Кони ходи есть — тебе ходи есть, Там... помирай есть моя жена, скоро матку поймай есть, наша Иман найди есть [П. У. к.]; другая сторона ходи есть, много люди в лесу пропади есть, Моя много люди спасай есть [С. г. в.].* Правильно было бы сказать: «Я нашёл запах» и т. д.

4. Во встретившихся нам примерах отрицание может быть выражено несколькими способами:

а) наречие + «далеко нету», при этом частица стоит в конце предложения: *Море далеко нету [Д. У.]; Иман далеко нету [П. У. к.]; Сюркум далеко нету [С.-А.];*

б) существительное/глагол + нету: *Тебе иголка нету, птица тоже нету, скоро кончай нету, ничего бойся нету, людям никогда мешай нету [Д. У.]; Стреляй нету [Т. п.]; тебе мешай нету, Трава гори нету [П. У. к.] и [С.-А.], понимай нету, Охота ходи нету. [С.-А.] и [П. У. к.].* Правильно было бы сказать: «Ничего не бойся»; «Людям никогда не мешает».

Ороч Намунка употребляет частицу «нет», иногда используя правильный порядок слов: *Я нет большевичка / Моя нет большевичка, Наша нет гилячка, Моя разбойника нет, Ночью ходи нет, партизан совсем люби нет [С. г. в.];*

в) в составном глагольном сказуемом вместо инфинитива употребляется повелительное наклонение, а модальный глагол с отрицанием («не могу» или «не надо») стоит после него в конце предложения: *летай не могу, живи не могу, посмотри не могу, гуляй не могу, Прямо ходи не надо [Д. У.]; Стреляй не надо, ломай не могу, говори тоже не надо, понимай не могу, отыхай не могу [П. У. к.]; Бросай не могу, чего-чего купи не могу, Дальше ходи не могу [С. т.]; отыхай не надо, громко говори не могу [С. г. в.]; бойся не надо, дальше живи не могу [П. у.].* В прошедшем времени вместо повелительного наклонения используется форма прошедшего времени: *охота ходил не могу [А. т.],* тогда как по правилам русского языка нужно изменить порядок слов и использовать инфинитив: «Не мог ходить на охоту». Нам встретился единичный случай, когда порядок слов тот же, но глагол употреблен в форме инфинитива: *большой дорога ходить не могу [З. д. Я.]*

Во многих предложениях реализуется сразу несколько форм грамматической контаминации: *моя виноват нету, Моя тебя трогай нету, Моя тебе товарищ нету, Неужели моя попади нету? Тебе сердись не надо, Моя*

еще говорить кончай нету [Д. У.]; моя сегодня кушай нету, Моя дома нету, Его далеко ходи нету, Тебе виноват нету, Моя Владивосток не могу ходи [П. У. к.]; его шибко далеко нету [А. т.]; наша живи не могу [П. у.]; Его отыхай нету, Моя живи здесь, Моя правду говори [С. г. в.]; Ваша сам дорогу смотри, моя надо назад ходи [С.-А.].

Указанные особенности встречаются и в речи китайца Чжан-Бао: *Наша стреляй нету, Его далеко ходи нету, Наша скоро его могу догоняй* [С.-А.].

5. Второстепенные члены предложения (дополнения, обстоятельства) располагаются перед простым глагольным сказуемым или между элементами составного: *Моя хочу один козуля убей, Наша в фанзе спи, Тебе сопка один ходи, Тебе надо другой место ходи* [Д. У.]; *Наша маленький огонь клади* [С.-А.]; *Моя партизанам дорогу показывай, Моя русскому попу присягу давай, Моя знай, куда солдаты ходи* [С. г. в.].

6. Нарушение согласования в роде и числе существительных и прилагательных и управлении глаголов: *я видел такой человек* [П. в.]; *высокий, ровный, чистый место*, *Там еще есть дырка большой* [Г. п.]; *в этой изба живет* [Н.]; *хочу один козуля убей* [Д.У.]; *Один китайский люди* [Д. У.]; *один люди высокий* [П. У. к.]; *Один люди подох* [С. г. в.]; *Один люди вода упади* [П. у.].

Комментируя то, как говорил алтаец, А. Ларина-Бухарина отмечала, что «в своей речи он употреблял только женский род, со склонениями и спряжениями знаком тоже не был» [Н.].

Лексические особенности речи «инородцев»

1. Иноязычные вкрапления в транслитерированной форме²:

эта маленькая уикта (звезда) ...; Каза, каза! (чайка), — закричал он вдруг, указывая на белую птицу, мелькавшую в воздухе; хочу паниуй тебе подарить [женьшень] [Д. У.]; ыи малюгá моонí омуты ни [Эта березовая кора — все равно люди.] ... и продолжал на своем родном языке. — Ии сугала хоктони Багдыхе [Это след лыжи Багдыхе.] [С. т.].

Он лючи [по-эвенкийски — русский] еще не знает.

Пошел на Ямбуй сокжой [дикий олень] промышлять. Северны атыр-кан [старуха] хорошо тебе толмачит. ...когда будешь натягивать ил [тетива] — не дыши. Ачин! [нет].

Воздух наполняется криком тугуток [олененок]. [З. д. Я.].

я произнес обычную формулу:

— Канс, тогор (рассказывай, друг).

² В изданиях они сопровождаются переводом в скобках (в этом случае в статье они сохраняются) или в сноске (в тексте статьи — в квадратных скобках).

— Со-охк, ень капсе (нет, нечего рассказывать, ты рассказывай), — протянул старик [Г. п.].

Это чжагубай — ответил Сарл [кровосмешенные], катами намихта [сушеная рыба] [П. у.].

2. Добавление слова «однако»: *Беда с ним, однако; Однако и ты не ходи! Однако ты пошел, и я пошел ... Однако высоко* [П. в.]; *Однако, крепкое дерево* [Д. к.]; *Километра триста будет, однако, Мясо, однако, здесь будет!* [А. т.]; *Однако близко Ямбуй худой люди живи. Однако тут ночевать будем.* [З. д. Я.].

3. Использование вместо «очень» слова «сильно»: *сильно дурак, сильно плохо было, сильно боюсь* [П. в.] или «шибко»: *Моя шибко боится, Его шибко хитрый, Шибко большой дым* [П. У. к.]; *шибко большая вода была* [С. т.]; *Шибко плохой люди, Шибко хорошо слышно* [С. г. в.]; *Тебя шибко боится, Ямбуй — место шибко плохой!* *Шибко болеет, Медведь шибко плохой зверь, Смотри, олень шибко морился, С пустой трубкой ночь шибко длинная* [З. д. Я.].

4. В качестве антонима к «сильно» выступает «мало-мало»: *мясо мало-мало пахнет, Мало-мало холодно, Моя мало-мало боится, Моя мало-мало ругается, Теперь мало-мало плохо* [П. У. к.]; *Работай маломало* [П. з.]; *прямой, мало-мало кривой* [Г. п.]; *мало-мало промок, мало-мало шаман* [П. у.]; *медведь мало-мало царапал, Я мало-мало чай пью, шкуры мало-мало делят* [З. д. Я.]. П. А. Кропоткину принадлежит самое раннее из известных нам упоминаний данной речевой особенности: «только беспрерывно звучит сибирское “однако” да “мало-мало”» [Дневник, 1862]. Возможно, указанные слова — это диалектная особенность жителей Сибири и Дальнего Востока, но она отмечена в речи персонажей-инородцев, и примеров «правильного» употребления первыми «литературных» слов нам не встречалось. При этом в речи персонажей-сибиряков этих слов нет.

5. Разговорные слова «худо»/«худой» используются вместо «плохо»/«плохой»: *это место худое, Глаз худой стал* [Д. У.]; *Худо совсем* [П. л. к.]; *Его худо кушай, Это худо, — сказал он, указывая на небо, ночью будет худо, Его худо посмотри, Напрасно стреляй — худо* [П. У. к.]; *Не знаю, хорошо это или худо* [С.-А.] и [С. т.].

Вышеуказанные слова могут находиться рядом (Это шибко худо [П. У. к.], Однако худо будет [С.-А.]) или дистантно в рамках одного предложения (Однако моя когда-нибудь худо будет [П. У. к.]). Это показывает возможность сочетания лексических искажений в одном предложении.

6. Во всех имеющихся в нашем распоряжении немногочисленных примерах в функции наречия «всего»/«ничего» или местоименного наречия «кое-что»/«что-либо» используется «чего-чего»: *чего-чего посмотри*,

[Д. У.]; *чего-чего ломай не надо, там ... чего-чего много, чего-чего рыба кушай* [П. У. к.]; *знают, чего-чего твой не знает* [Г. п.]; *чего-чего куши о-очень мало* [П. у.]. При этом сами «литературные» аналоги в речи коренных народов не встречаются.

7. Слово «люди» в речи персонажей не склоняется и употребляется без-относительно к числу: *Там люди много, Моя старый люди* [Д. У.]; *два люди работали* [П. У. к.]; *Гладких – смелый люди* [П. у.], *Он старый люди* [З. д. Я.] и принадлежности объекта к роду людей. Причина этого не только в пло-хом знании русского языка, но и в убежденности Дерсу Узала и других в одушевленности окружающего мира: *Наша так думай: это земля, сопка, лес – все равно люди* [П. У. к.]. Одна из глав романа «По Уссурийскому краю» названа «Анимизм Дерсу».

Ниже перечисляются те объекты живой и неживой природы, кото-рые коренные жители Сибири и Дальнего Востока определяют словом «люди». «Людьми» могут называться животные, например: *Моя раньше такой люди, – он указал на жука, – много посмотри нету, Рыба тоже люди, Енот ходи, барсук или ворона; ворона нет – мышь ходи, мышь нет – муравей ходи. В тайге много разный люди есть* [Д. У.];

Его старый «люди», – сказал он про кабана с клыками, Один люди другой люди кушай, – высказывал Дерсу вслух свои мысли. – Чего-чего рыба кушай, потом кабан рыбу кушай, теперь надо наша кабана кушай [П. У. к.];

Выть не шелохнулась. Дерсу рассмеялся. – Егошибко хитрый люди.

Сегодня ночью много люди пропади. Я понял, что «люди», о которых говорил Дерсу, были пернатые [П. У. к.];

или неодушевленные предметы:

Когда дрова горели плохо, он сердился на печь и говорил: Плохой люди, его совсем не хочу гори.

...он говорил про Полярную звезду – Это самый главный люди, – продолжал гольд. – Его всегда один место стоит, а кругом его все уикта ходят [Д. У.];

Его самый главный люди, – ответил мне Дерсу, указывая на солнце. – Его пропади, кругом все пропади. (Слово «солнце» обозначает также про-межуток времени: Моя думай, половина солнца кончай, другой ветер найди есть. Предсказание Дерсу сбылось. В полдень начал дуть ветер с юга. Много солнца (т. е. несколько дней) не было ветра [П. У. к.]; *Зачем четыре солнца, Филипп?.. Ране надо ходить – три солнца, однако, самое много* [П. у.].)

Худой люди! Как «люди»? — спросил я его в недоумении. — Вода, — отвечал он просто. — Ему могу кричи, могу плакать, могу тоже играть. ...указывая на огонь. — Его тоже все равно люди.
— Земля тоже люди. Огонь и вода тоже два сильные люди [П. У. к.].

8. В текстах употребляются также заимствования из национальных языков при именовании тигра, к которому жители Сибири и Дальнего Востока относятся особенно уважительно. Например: *В глазах Дерсу была видна глубокая вера в то, что тигр (амба) слышит и понимает его слова* [П. У. к.]. Так же полагал и нанаец Нучи: — *Неужели ты и в самом деле думаешь, что тигр понимает твою речь?* — спросил Томек. — *Амба такой же человек³, как наша с тобой* [Т. п. к.]. В. Арсеньев подчеркивает это отношение коренного жителя тайги тем, что пишет слово «амба» всегда с заглавной буквы: *Амба совсем наша бивак ходи!* [Д. У.], стрелять Амба никогда не буду, *Моя много Амба посмотри* [П. У. к.]. Б. Можаев указывает, что удэгейское название тигра — куты-мафа: *Куты-мафа вчера приходил. След у ручья. Большой! Куты-мафа оставил... Плохой тигр, Куты-мафа ходи здесь* [П. л. к.], но другие авторы относят это слово к другому хищному зверю: *праздник Мафа-медведя* [П. у.], «мафа» (медведь) [Д. У.].

Подводя итог, можно утверждать, что искажения в речи персонажей — представителей коренных народов Сибири и Дальнего Востока преимущественно проявляются на грамматическом уровне. Прежде всего это морфологические особенности: использование притяжательных местоимений, обычно женского рода (*моя, твоя, наша*), вместо личных и форм повелительного наклонения единственного числа (*ходи, понимай*) вместо личных форм глагола, а также нарушение согласования в роде и числе. Для синтаксиса характерен порядок слов SOV (подлежащее — обстоятельство/дополнение — сказуемое), причем вспомогательная часть составного глагольного сказуемого ставится после основной, особенно в отрицательных предложениях. Часто искажения столь существенны, что могут затруднять понимание.

Фонетические изменения менее разнообразны и чаще всего представлены заменой [ш], [щ], [ч'] на [с]. Многие из указанных в статье грамматических и фонетических изменений встречаются в речи китайцев, что указывает на неразличение авторами их искажений и контаминированной речи нанайцев, орочей и др.; единственным маркером может быть

³ Пример с «тигр — человек» единственный в нашей выборке на фоне преобладающего употребления «люди».

замена [р] на [л], не свойственная малым народам Дальнего Востока (исключение – якут в романе Беляева).

Лексические особенности, помимо добавления «однако» и употребления переданных транслитерацией иноязычных вкраплений, предполагают использование ограниченного числа наречий меры и степени, а также образа действия (сильно, шибко, худо), в том числе образованных редупликацией (мало-мало, чего-чего).

Источники⁴

- А. т. – Ефремов И. Алмазная трубка.
Б.-б. – Диковский С. В. Бери-бери.
Г. п. – Ефремов И. Голец подлунный.
Д. к. – Каверин В. Два капитана.
Д. м. – Зазубрин В. Я. Два мира.
Д. У. – Арсеньев В. К. Дерсу Узала.
Ж. ж. – Вересаев В. В. На японской войне. Живая жизнь.
З. д. Я. – Федосеев Г. А. Злой дух Ямбуя.
К. з. с. – Островский Н. А. Как закалялась сталь.
К. Ш. – Кассиль Л. Кондукит и Швамбрания.
Н. – Ларина-Бухарина А. Незабываемое.
Н. к. с. – Лесков Н. На краю света.
П. в. – Беляев А. Продавец воздуха.
П. л. к. – Можаев Б. Падение лесного короля.
П. у. – Фадеев А. А. Последний из удэге.
П. У. к. – Арсеньев В. К. По Уссурийскому краю.
С.-А. – Арсеньев В. К. В горах Сихотэ-Алиня.
С. г. в. – Бадигин К. С. Секрет государственной важности.
С. т. – Арсеньев В. К. Сквозь тайгу.
Т. п. – Богомаз П. Туранский перевал.
Дневник, 1862 – Кропоткин П. А. Дневник.
Т. п. Т. – Шклярский А. Таинственное путешествие Томека (пер. Е. К. Шпак). Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/PRIKL/SHKLYARSKIJ/tomek05.txt> (дата обращения: 14.01.2024)
Szklarski A. Tajemnicza wyprawa Tomka. / URL: <https://fb2.top/tajemnicza-wyprawa-tomka-612558/read?ysclid=ltn1p0nllk350574506> (дата обращения: 11.03.2024)

⁴ Источники цитируются по Национальному корпусу русского языка, если не указано иное.

Литература

- Вольман Д. Ю., Гасымов Э. Ш. Языковая картина мира Дерсу Узала в травелоге В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края» // Культура и наука Дальнего Востока. 2022. № 2 (33). С. 46–50.
- Краюшкина Т. В. Роман-эпопея А. А. Фадеева «Последний из удэгей» как источник сохранимания/интерпретации памяти об удэгейцах // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию высшего исторического образования на Дальнем Востоке России. 2018. С. 95–100.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 14.01.2024).
- Фролова Е. А. «Странническая» жизнь художника слова (лингвостилистический анализ повести В. К. Арсеньева «Дерсу Узала») // Русский язык в школе. 2015. № 8. С. 33–38.
- Шихалева Т. В. Ландшафтная лексика в повести В. К. Арсеньева «Дерсу Узала» // Актуальные вопросы современной науки. Сборник статей по материалам VIII международной научно-практической конференции. В 4-х ч. 2017. С. 62–72.
- Чжан С., Сергеева Н. Н. Типичные ошибки в подготовленной устной речи китайских студентов при изучении русского языка // Педагогические образование в России. 2019. № 6. С. 120–124.
- Яроцкая Ю. А. Формирование представления читателей о Дальнем Востоке России в книге ИГЕ В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация. Материалы Международной научной конференции. 2017. С. 139–142.

References

- Chzhan S., Sergeeva N. N. [Typical mistakes in oral speech prepared Chinese students to study Russian language]. *Pedagogicheskie obrazovanie v Rossii*, 2019, no. 6, pp. 120–124. (In Russ.)
- Frolova E. A. [The “wandering” life of the word artist (linguistic and stylistic analysis of V. K. Arsenyev's story “Dersu Uzala”)]. *Russkii yazyk v shkole*, 2015, no. 8, pp. 33–38. (In Russ.).
- Krayushkina T. V. [The epic novel by A. A. Fadeev “The Last of the Udege” as a source of preservation/interpretation of the memory of the Udege people]. *Kul'turno-istoricheskoe nasledie Rossii i stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: issledovanie i sokhranenie. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu vysshego istoricheskogo obrazovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii* [Cultural and historical

heritage of Russia and counties of the Asia-Pacific region: investigation and preservation. Proc. of the international scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of higher historical education in the Russian Far East], 2018, pp. 95–100. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed 14.01.2024).

Shikhaleva T. V. [Landscape vocabulary in V. K. Arsenyev's story “Dersu Uzala”]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki. Sbornik statei po materialam VIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 4-kh ch.* [Topical issues of modern science. A collection of articles in 4 parts], 2017, pp. 62–72. (In Russ.)

Vol'man D. Yu., Gasymov E. Sh. [The linguistic picture of the world of Dersu Uzala in V. K. Arsenyev's travelogue “In the wilds of the Ussuri region”]. *Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka*, 2022, no. 2, pp. 46–50. (In Russ.)

Yarotskaya Yu. A. [Formation of readers' ideas about the Russian Far East in V. K. Arsenyev's book “On the Ussuri Region”]. *Obraz Rodiny: soderzhanie, formirovaniye, aktualizatsiya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Image of the Motherland: content, formation, updating. Proceed. of the International Scientific Conference], 2017, pp. 139–142. (In Russ.)